

Сельское чтение, книжка вторая... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Сельское чтение, книжка вторая... В. Г. Белинский

По случаю появления второго издания книжки г. Любимова «Про былое на православной Руси» в одном журнале было сказано: Книга для грамотных людей! Я думал, что эта книга для меня, для вас, для всех нас, которые имеем честь, удовольствие или притязание называться «грамотными»: а выходит на поверку, что это – книга в самом деле для людей! Кто мог предполагать такой аристократический тон в таком простом и скромном заглавии! Между тем из содержания книги ясно, что автор под словом люди не понимает ни меня, ни вас, потому что в тексте он всегда называет своих читателей – братцы! Этого титула я не люблю в обращении со мною: авторам, которым оказываю честь, покупая и читая их сочинения, я по самой крайней мере – батюшка, а не братец. Да, я думаю, что даже и людям этот боярско-снисходительный эпитет братцы не очень понравится, когда они станут платить наличными деньгами. Кто по-барски говорит людям братец, тот по-барски должен дать им книгу даром, подарить, а не продавать: тогда эта уж совсем благородная, аристократическая манера, и фамильярность, отзывающаяся немножко спесью, охотно прощается такому автору{1}.

Итак, г. Любимов навлек на себя упрек в аристократическом тоне словом «братцы»? Упрек высказан очень остроумно, но справедлив ли он? Нам кажется, что книжка г. Любимова заслуживает полного упрека в том, что она крайне плохо составлена, сочинитель ее виноват в том, что взялся совсем не за свое дело, но отнюдь не в невинном слове «братцы». Это действительно плебейское словцо употреблено им для ясности изложения, и очень жаль, что вся ясность и толковитость книжки г. Любимова заключается только в этом слове. «Как ни зови, лишь хлебом корми», – говорит русский простолюдин, и слово: друг мой для него ничем не лучше братца, тем более что ведь не слово, а – *le ton fait la musique*[1]. Аристократический или барский тон, принимаемый в отношении к простому народу выскочками, мещанами и другими представителями среднего сословия, состоит не в словах, будто бы оскорбительных для простолюдинов, а в понятиях, оскорбительных для человечества и равно не христианских, как и не философских. Вот образчик таких понятий: Возможность пользы простонародных книг о простонародном деле, о хлебопашестве, о домашнем хозяйстве я понимаю, хоть и не уверен в действительности этой пользы, как то известно всякому благосклонному читателю; но история кажется мне необузданною роскошью не только для простого мужичка, но даже и для старосты. Дело в том, что если мой крестьянин придет ко мне за советом, купить ли ему историю г. Любимова, я решительно скажу: «Не покупай, мой друг (братец – я никогда не говорю); лучше сбереги эту денежку; да вот тебе еще полтина: поди и купи на них хороший плуг или железную борону в земледельческом училище: это для тебя нужнее всех историй. А если боишься, что от безделья в праздник лукавый потащит тебя в кабак, так ведь у тебя есть «Бова-королевич»: читай его! Правда, твоя «Бова-королевич» оборван и, как я видел, без начала. Ну, так читай с другого конца: для тебя ведь все равно, что ни читать и откуда ни начнешь читать!»

Вот это аристократический тон аристократов средней руки, которых во Франции называют, для отличия от истинных аристократов, *les bourgeois*...[2] Это получение всех возможных «братцев», хотя и называется «друг мой»! Осудить простолюдина на невежество, заставить его пахать землю да читать с обоих концов оборванного «Бову-королевича» и отнять у него право иметь понятие о его человеческих обязанностях, об истории его отечества, словом, обо всем, о чем имеет право не знать животное и чего не имеет права не знать человек, – и за это утешить его воззванием: «друг мой»! воля ваша, это что-то сильно отзывается не аристократизмом, а мещанством во дворянстве!..

Мы, право, не понимаем, почему для простолюдина вредно знать (в такой мере, в какой может он знать) прошедшую славу и настоящее величие своей родины, имена и подвиги великих царей и великих людей своего отечества. Не понимаем, что худого или смешного в том, что простолюдин будет читать книги, в которых, сообразно потребностям его сословия и быта, толкуется ему о его обязанностях как человека, гражданина и христианина, о способах к улучшению его быта и о разных любопытных предметах, познание которых развивает ум и дополняет, а иногда и заменяет опыт? Но понимаем, почему простолюдин обязан если не пить в кабаке, то читать «Бову-королевича» или подобные тому вздоры, которые только еще более огрубляют его ум, и без того грубый...

Ошибаются те, которые думают, что если у простолюдина вдоволь хлеба и за ним

Сельское чтение, книжка вторая.. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru казенных недоимок нет, то уж ему ничего больше по нужно. Это мнение противно и религии, и философии, и здравому смыслу. Животное сыто, содержится в тепле и чистоте – оно счастливо вполне, и ему больше ничего не нужно; но человек ведь не животное, хотя бы он был и простолюдином. Кроме внешнего благосостояния, ему еще необходима религия, нравственность, образование, без которых он едва ли не ниже всякого животного. Никто не будет спорить против того, что для всякого сословия нужно соответственное образование и что мужикам совсем не нужно учиться в университетах; но из этого еще не следует, что мужику не нужно в детстве учиться в сельском приходском училище и что это для него – излишняя роскошь. Самое внешнее благосостояние крестьянина, о котором так хлопочут мнимые филантропы, невозможно без образования в известной степени: это аксиома. Дайте немцу и русскому по равному клочку земли с равными хозяйственными средствами для ее обрабатывания, – и вы увидите, что первый всегда будет зажиточнее и богаче последнего. Отчего это? – Совсем не оттого, чтоб немец был умнее или даровитее русского (чаще случается совсем наоборот); но оттого, что немец вообще образованнее русского. Немецкий крестьянин читает Библию и знает наизусть «Германа и Доротею» Гете: это не мешает ему быть отличным хозяином и трудолюбивым земледельцем. Не понимаем, почему русский мужик делается хуже, если вместо «Бовы-королевича» станет читать, например, басни Крылова?

Не менее ошибаются и те, которые думают, что наши крестьяне всё те же, какие были назад тому сто или двести лет. Цивилизация незаметно оказывает над ними свое влияние и изменяет их. Это особенно стало заметно в последнее время. И если бы нас спросили, к лучшему или худшему изменяется простой народ от успехов цивилизации, – мы отвечали бы, что и к лучшему и к худшему. Освободив простолюдина из-под опеки природы и обычая, цивилизация сделала его бойчее, развязнее, промышленнее, так сказать, способнее ко всякому делу, находчивее, предприимчивее, смелее: это к лучшему. Но в то же время, умножив его нужды, и истинные и ложные, она сделала его более падким на приобретение, менее разборчивым на средства: это к худшему. Чтоб поправить зло, надо последовать пословице: чем ушибся, тем и лечись. Отцовский обычай и пример стариков – уже плохая школа для простолюдинов: созданная цивилизацией действительность находится в диаметральной противоположности с преданиями простодушной старины. («Нужно образование, это могущественное средство цивилизации же, без которого ум народа превращается в хитрость, ловкость – в плутовство, наметанность служит орудием безнравственности. Надо быть вовсе слепым, чтоб думать, что реформа Петра уже кончилась: она еще только начинается. От дней Петра Великого до 1812-го года это была не история, а еще только пролог к истории: история начинается с 1812 года.

Таким образом, нельзя не радоваться, что с некоторого времени книги для простого народа сделались целую отраслью русской литературы. Это счастливое направление произведено было первою книжкою «Сельского чтения», изданною князем Одоевским и г. Заблоцким. Она вышла в прошлом году двумя изданиями, в числе 9000 экземпляров. Теперь вышла и вторая ее часть. Свойство всякого истинно хорошего дела – постепенно совершенствоваться: вторая книжка «Сельского чтения» гораздо лучше первой, и можно надеяться, что третья будет еще лучше второй. Содержание и изложение статей «Сельского чтения» так хорошо, что они читаются с удовольствием и не простолюдинами. Между тем в них видно основательное знание быта и свойств простого народа, верный взгляд на его нравственные потребности. «Сельское чтение» вполне владеет тайною умения говорить с своими читателями, соблюдая собственное достоинство, то есть не заносясь в облака и не нагибаясь до грязи, но держась настоящей середины. Все мысли в нем излагаются не поучениями, не сентенциями, но живым, увлекательным и наглядно убедительным образом, или в виде повестей, рассказов, или разговоров, имеющих свой драматический интерес. Возьмем для примера разговор о пользе и необходимости грамоты для простолюдина. Говорят крестьяне; следовательно, вопрос решается крестьянским умом.

ИВАН. Ну, я не знаю, зачем нам и читать, что там написано! ведь нас туда и не пустят, а куда пускают, там и духом доберешься: вот, примером сказать, питейные дома, – прочтешь, брат, пропись хоть в какую темень!

АНТОНЬЧ. О! этому поверю. А что, когда тебе за то прописывали, там... знаешь! под каланчой-то, – умел ли ты эту пропись прочитывать?

ИВАН. Нет, брат! Там худо пишут, – так начеркают и вдоль и поперек, что ничего не разберешь!

АНТОНЬЧ. Да и то плохо, что письмо такое скоро стирается; кабы годик-другой ты пронесил, то, может быть, и разобрал бы!

ИВАН. Спасибо, брат: вишь, тебе горазд понравилась грамота, так ты и дал бы себя

поучить.

АНТОНЫЧ. Уж ты там как ни толкуй, а завидно глядеть на грамотного мужика, как-то у него все не то, что у другого: и речь складнее, и в доме-то лучше, и в руки что ни возьмет, не валится. Оттого-то я и рад, что моего Ефимку надоумило мне к писарю посылать. Прежде только и дело матке, что на него кричать; уйдем все на работу, а он на улице с ребятами балуется, а не шалит, так и делать нечего. Того и гляди, что вырастет сорванец и отца из дома выживет. Теперь хоть сидит за книгой да доброму учится; уж много молитв знает на память. Знает сам молиться; мы – «господи, помилуй» да «господи, помилуй» и ничего больше сказать не умеем, а он молитву читает – поутру одну, вечером другую, а за обедом третью. В церковь божью придем, – что мы понимаем? ровно ничего; бабы про новины ласкочат, а мы – стоим да волосами мух обмахиваем; а ведь обедню про нас служат и говорят не стенам, а нам, что бог велел. А бог велел для нас говорить, так, стало, и нам велел разуметь, о чем говорят. Ну, как же нам разуметь, когда мы грамоты не знаем! Ведь в церкви ни про соху, ни про борону не говорят, а мы только те слова и знаем, которые в нашем быту часто употребляем, другие же речи только в книгах и написаны. Вот каково же, брат, подумать, что придется когда-нибудь и умереть и ответ богу дать за все дела, которые против его святого закона творили?

ИВАН. Ну, дядя, вот уж этот раз на правду похоже; только неужто мы виноваты, что грамоты не знаем; что ж будет с нами и нашими отцами?

АНТОНЫЧ. Отцы наши и рады, может, были учиться, да негде и не у кого было в ихнее время; им бог простит, и нам теперь уже слишком поздно учиться; но по крайней мере, коли видишь, что добрые люди стали об нас заботиться и заводят школы, то мы не должны детей своих отнимать от этого добра, а должны заставлять их учиться, тогда и нас за них бог не оставит. Посмотри, какие идут годы! что далее, то хуже, а все оттого, что мы не хотим понять волю божью. Худо родилось – говорим: богу так угодно было. Хорошо родилось – говорим: вот как хорошо запашешь, так хорошо и вырастет. Худое все на бога сваливаем, а себя правим. Давно я про душу свою думаю и теперь еще попокойнее стал с тех пор, как Ефимку заставил учиться, а все как говорю, так сердце и замирает. С грамоткой все бы, кажись, больше намолился и скорей бы заслужил царство небесное.

ИВАН. Так как же, Антоныч, посылать ли же мне старшего мальчика, как школу-то заведут?

АНТОНЫЧ. Зачем, брат? ведь ты говоришь, что грамота не повезет; лучше пусть его по избам шатается да по миру ходит; тебе его и кормить не надо будет!

ИВАН. Нет, дядя, ты теперь не смейся; ты знаешь, что я и сам не рад, что бог меня приобидел и до людей не довел. Подчас я понимаю добрые речи, да вот эта проклятая дурь: как попадет в голову лишнее, да как захожусь на посиделки, и забуду. Вот тебе крест, что pošлю мальчишку в школу.

АНТОНЫЧ. То-то, Ваня, над грамотой не шути: коли грамотка дастся, так на ней далеко уедешь{2}.

Лучшие статьи во второй книжке «Сельского чтения»: «Рассказ о том, какие православные государи царствовали в России после Петра Великого и какие дела сделала императрица Екатерина Великая»; «Грамотки дяди Иринея», «Сказка о Ваньке Ротозее», «Рассказ крестьянина Прокофия про немцев-колонистов» и «Кто такой дедушка Крылов»{3}. Эти статьи отличаются истинно литературным мастерством и выдаются из всего остального, хотя и это остальное отличается замечательным достоинством. Мы не будем больше делать выписок: это просто невозможно, ибо надо или все выписывать, или потерять в выборе отрывков. Кто прочтет самую книжку, тот согласится с нами, – а книжку эту с удовольствием прочтет и литератор, и барин, не говоря уже о крестьянах, для которых она представляет неисчерпаемый источник удовольствия и пользы.

Мы сказали выше, что «Сельское чтение» породило целую литературу книг для простонародья. Надо сознаться, что пока еще этому радоваться нечего. Все эти книжки порождены соревнованием не к достоинству, а к успеху «Сельского чтения»; и потому их производит не талант, а промышленность, и они одна другой нелепее и пошлее. Но пусть их выходят: неуспех охладит их ревность, а усиливающаяся потребность в народном чтении возбудит другого рода ревность и вызовет на деятельность таланты, а не промышленность. Пока достаточно и одного «Сельского чтения».

Примечания

Сельское чтение, книжка вторая... (с. 453–457). Впервые – «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, № 3, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 25–28 (ц. р. 29 февраля; вып. в свет 1 марта). Без подписи. Авторство – ПССБ, т. XII, с. 423–428, 550, примеч. 53.

Сельское чтение, книжка вторая... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Белинский придавал большое значение изданию книг для народного чтения. Этим объясняется прежде всего и его интерес к изданию книжек «Сельского чтения», предпринятому в 1840-х гг. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким-Десятовским. См. его рецензию на первый выпуск этого издания (1843 г.) – Белинский, АН СССР, т. VI, с. 681–690.

Данной рецензии предшествовало в отделе «Библиографические и журнальные известия» (№ 2 «Отечественных записок» за 1844 г.) сообщение о выходе 2-й книжки (см. его: Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 139).

Белинский отозвался пространными рецензиями также на выход кн. 3 и 4 «Сельского чтения» (см. наст. изд., т. 8).

Сноски

1 тон делает музыку (фр.). – Ред.

2 буржуа (фр.). – Ред.

Комментарии

1 Эта и следующая цитаты взяты из рецензии Сенковского на книжку К. Любимова в «Библиотеке для чтения» (1844, т. LXII, отд. VI, с. 30–38).

2 Из рассказа Н. С. Волкова «Если грамотка дастся, так на ней далеко уедешь».

3 Первый и четвертый рассказы – А. П. Заблоцкого-Десятовского; остальные – В. Ф. Одоевского. Кроме того, были помещены статьи Заблоцкого и Одоевского «О том, что такое год, что такое месяц и что такое день...» и «Что значит воскормить дитя», «Не положив, не ищи» В. И. Даля и др.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!